

9. Кольев А. Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 382 с.
10. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Рус. кн., 2004. 299 с.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 234 с.
13. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа, 2008. 516 с.
14. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Дело, 2014. 528 с.
15. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996.
16. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.
17. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., Петербург. Востоковедение, 2002. 213 с.

DOI: 10.35854/2219-6242-2019-3-33-39

УДК 340:316

В. А. Глазырин

Право имеет значение (социологический контекст)

V. A. Glazyrin. Law Matters (Sociological Context)

Фундаментальной основой социологического изучения права является тот факт, что юридико-правовые институты присущи любым обществам, за исключением архаичных. В статье показаны возможности социологического познания обществ посредством изучения институтов права. Рассматривается дюркгеймовская концепция изучения общества через правовые нормы. Наряду с этим раскрывается авторское видение парадигмы «право имеет значение» в качестве исследовательской установки изучения права в современной социологии. Указано на важность изучения в социолого-правовых исследованиях диалектики институционализации насилия и свободы. Подчеркивается институциональная комплементарность права и современных демократических обществ.

Ключевые слова: современное общество, парадигма, право, институт, противоречие.

Контактные данные: 620137, г. Екатеринбург, Комсомольская ул., д. 21; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Fundamental basis of sociological study of law is the fact that legal institutions are inherent in any societies except archaic ones. The aim of the article is to show the possibilities of sociological study of societies by means of study of their legal institutions. First, Durkheim's concept of study of societies through legal norms is presented. Then, the author's perspective of the paradigm "law matters" is shown. This paradigm is considered as a research guidepost in study of law in modern sociology. The importance of study of dialectics of institutionalisation of violence and freedom in sociological and legal research is pointed out. Institutional complementarity of law and modern democratic societies is emphasized.

Keywords: modern society, paradigm, law, institution, contradiction.

Contact Details: Komsomol'skaya 21, Ekaterinburg, Russian Federation, 620137; (343) 374-43-63; rektorat@usla.ru.

Валерий Алексеевич Глазырин — профессор кафедры философии и социологии Уральского государственного юридического университета, доктор социологических наук, доцент.

© Глазырин В. А., 2019

Фундаментальная основа социологического изучения права находит отражение в том, что юридико-правовые институты присущи любым обществам, за исключением архаичных. В социологических исследованиях права, имеющих свою историю [1, с. 360–451, 779–822; 2; 3; 4; 5], утвердился эмпирический подход в их изучении [6, с. 34; 7, р. 537]. Социологи, работающие в этом направлении, руководствуются познавательной установкой «на самом деле», заключающейся в вопросах о том, как на самом деле судьи принимают решения, на самом ли деле в обществе с глубокой социальной поляризацией все граждане равны перед законом и судом, кто на самом деле заинтересован в принятии тех или иных законов, как на самом деле законы влияют на поведение людей и др.

Несомненно, такие исследования востребованы. Они позволяют раскрыть «механику» бытия юридических институций в различных социальных обстоятельствах, показывают, как *de facto* работают (действуют или бездействуют) принятые юридические установления, законы. Часто в практической реализации законов выделяются две группы преград: первая — «плохие законы» (например, различные лакуны, содержащиеся в законодательных актах); вторая — «социальные условия» (под ними подразумеваются социокультурные обыкновения, привычные социальные практики, традиционные ценности, неформальные устои, которые ограничивают/исключают эффективное функционирование юридических институтов в системе общественных отношений, социуме). Однако социологическое постижение права не ограничивается изучением правовой повседневности, противоречий в правовых ожиданиях, правосознании и деятельности акторов, возникающих из-за коллизий между формальными и неформальными нормами, правилами [8, с. 13–158]. Важно понимать, что юридико-правовые институты имеют субстанциональное значение в жизни обществ, являются неотъемлемыми формальными установлениями их институциональных матриц.

Социологическая методология в изучении права обладает значительным потенциалом [9, с. 7–64]. Одно из ее направлений заключается в том, чтобы использовать изучение юридико-правовых институтов для познания социумов, общественных отношений. Так, Н. С. Тимашев, в работах которого представлены развернутые исторические и аналитические обзоры становления и развития социолого-правовой мысли, писал, что идеал, к которому должна стремиться социология права состоит в том, чтобы ее идеи можно было бы «предложить для включения в центральное ядро социологической теории» [10, с. 479]. Предлагаем рассмотреть возможности социологического познания обществ посредством изучения институтов права. Интерес представляет дюркгеймовская концепция изучения обществ через правовые нормы, а также парадигма «право имеет значение» как исследовательская установка изучения права в современной социологии.

Обсуждая представления о праве Э. Дюркгейма, получившего юридическое образование, можно обнаружить парадокс, что в обширной библиографии, посвященной научному разбору взглядов этого выдающегося французского социолога, его социолого-правовая теория, по сути, сводится к концепциям аномии, преступления и наказания. В тени остается понимание того, что «правовая составляющая» социологии Э. Дюркгейма является частью стержневых положений его социологического мировоззрения [11, с. 124–166]. Раскрывая сущность вопроса о том, что означает в понимании Э. Дюркгейма изучать общество на основе описания и объяснения норм, институтов права, следует отметить, что предложенная этим классиком социологии методология изучения общества через право, соответствует правилам социологического метода, разработанных им, содержит концептуально связанные положения.

Э. Дюркгейм трактовал право как вид социальных фактов, что позволило ему включить юридико-правовые установления в предметную область познания социологической науки. Более того, у Э. Дюркгейма право является «чистым» социальным типом (по терминологии М. Вебера), поскольку в нем в наиболее явном виде проявляются черты социальных фактов. С позиций дюркгеймовской социологии понимание права в качестве «чистого» социального факта означает, что правовые нормы, институты нельзя причислять к эпифеноменам общественной жизни. Их социологический анализ необходим для того, чтобы создавать релевантные научные модели обществ. Объективность всякого социального исследования, по убеждению Э. Дюркгейма, обеспечивается посредством выявления в обществе повторяющихся, устойчивых отношений, форм, если их невозможно обнаружить в социуме, соответственно, научные основания для наблюдения, описания, познания социумов отсутствуют. Но, как он отмечал, одна из особенностей общественной жизни заключается в том, что социальные связи и отношения «кристаллизуются» [12, с. 446]. При этом наиболее значимые отношения в социуме получают выражение и закрепление в юридических нормах, законодательных актах.

Французский социолог писал: «Действительно, социальная жизнь повсюду, где она долго существует, неизбежно стремится принять определенную форму и организоваться, и право — не что иное, как сама организация в ее наиболее устойчивом и точном выражении» [12, с. 340]. Нормы права определены, устойчивы, существуют в вещной форме — воплощены в кодексах, нормативных актах, текстах законов [12, с. 434], поэтому институты права, как считал Э. Дюркгейм, обоснованно следует рассматривать в качестве научной основы познания обществ. Социальная солидарность и юридические системы проходят исторически связанные между собой этапы их развития, соответственно, «эволюционное древо» права можно использовать в целях изучения форм солидарности (типов обществ) [12, с. 66].

Не характеризуя подробно «сильные» и «слабые» стороны дюркгеймовской методологии изучения общества через право, подчеркнем лишь, что Э. Дюркгейм был последователен в ее применении. Тем не менее ему удалось избежать крайностей «юридического империализма», заключающегося в желании толковать феномен права вне всякого учета каких-либо социальных факторов и условий общественной среды. Он не отождествлял социум и право, но проявлял определенность в понимании того, что суть отношений в обществе воплощена в юридических нормах, правилах, институтах, правоотношениях. С этой дюркгеймовской интерпретацией связи общества и права можно одновременно согласиться и не согласиться. Очевидно, что в эпоху современности конституционные уложения являются не только краеугольным камнем той или иной правовой системы государства, но и общества. Вместе с тем суть отношений в социуме не может быть сведена к юридико-правовым институциям. Справедливо возникает вопрос о том, разве область брачных отношений ограничивается супружескими союзами, зарегистрированными в установленном законом порядке. Соответственно, управленческая деятельность ничем не отличается от нормативного администрирования, выборные кампании сводятся к положениям избирательного законодательства, легальность равнозначна легитимности.

Несмотря на то, что сегодня аутентичное знание дюркгеймовской методологии изучения общества через право едва ли выходит за границы познавательных интересов исследователей истории социологии, посыл французского ученого остается в силе. Сущность его заключается в том, что социологам следует преумножать концептуальную базу и эмпирический инструментарий, позволяющие им «сквозь» форму и содержание юридических норм, институтов осуществлять актуальные изыскания

социальных явлений и процессов. В современной социологии дюркгеймовский вариант изучения континуума отношений «общество и право» замещается парадигмой, которая может быть представлена лапидарной формулой: «право имеет значение» («право и его институты имеют значение», «институты права имеют значение»). В ее рамках происходит корректировка приоритетов социологического познания права, изучение дисфункций юридических установлений, оставаясь важной стороной исследований, уступает первенство задачам осмысления социосозидательного потенциала юридико-правовых институтов.

Проанализируем узловые положения этой парадигмы.

В обществах, вышедших из состояния архаики, никакие социальные институты не являются альтернативой юридическим установлениям, поскольку последние обладают институциональными качествами, которые не могут быть восполнены неюридическими нормами и правилами (даже с учетом различных изъянов практического воплощения юридических предписаний). В их числе, например, такие, как «равная мера» для всех, общеобязательность, определенность, наличие механизмов обеспечения исполнения обязательств, возможность любого лица отстаивать права в судебном порядке на законных основаниях. Юридические институты могут быть «плохими», но их не может не быть. Конечно, в социолого-правовых исследованиях необходимо видеть различия между буквой и духом закона, уметь распознавать симулякры права или, воспользовавшись терминологией Г. Спенсера, «бумажные конституции», фиксировать и анализировать трансформации, происходящие с правом и законом в правоприменительной практике. Вместе с тем последнее не может быть использовано в качестве повода для оправдания правового нигилизма, напротив, задает высокий уровень требований изучения права в социологии.

Юридические институциональные системы могут олицетворять и созидать разные социальные порядки. Это связано с тем, что *lex (rule of government* — правление посредством норм/правил правителя/государства) не тождественно *jus (rule of law* — правление посредством принципов/норм права, верховенство права). В. С. Нерсисянц, один из крупнейших российских юристов, писал о том, что закон (позитивный юридический закон) соответствует природе и требованиям права лишь тогда, когда позитивизирует право, а не произвол. В противном случае юридический закон может применяться в антиправовых целях, легализации авторитарных, деспотических режимов [13, с. 37]. Развернутые характеристики правового закона представлены в Докладе о верховенстве права Венецианской комиссии [14].

Насилие — изначально социальная проблема любого общества [15, с. 12–145]. Она решается по-разному. Так, гомеровские Одиссей и его спутники бегством спасли жизнь, им хитростью удалось освободиться из заточения в пещере циклопа Полифема. Уход/бегство в ситуациях, связанных с возможностью применения насилия/силы, может быть оправданной линией индивидуального (группового) поведения людей, но не является общим социальным правилом противодействия насилию/силе в социуме. Проблема насилия/силы должна решаться на социальном институциональном уровне. Без установления юридически обязательных институтов это сделать невозможно.

Версия институционального решения проблемы насилия существует у Т. Гоббса. При этом происхождение войны всех против всех, описанной английским философом, не сводится, как пишут многие интерпретаторы его воззрений, к эгоистической природе человека. Первопричина такой войны состоит в другом. Т. Гоббс писал, что поскольку все люди равны, постольку в естественном состоянии каждый человек имеет «право на все». Право на все порождает войну всех

против всех [16, с. 186]. Для ее прекращения требуется общественный договор. Им должен быть учрежден институциональный порядок, отвергающий, помимо прочего, право каждого на все.

Гоббсовский мир зиждется на обмене безопасности, об обеспечении которой заявляет государство, на права и свободы граждан. Очевидно, что этот проект устройства социального порядка отличается от порядка, основанного на праве. Вопросы о том, что в социологии инициирует изучение проблемы правового порядка, ее обсуждение подразумевает объяснение диалектики институционализации насилия [17, с. 261] и свободы [18, с. 169].

Изучение современных социумов — открытых демократических обществ — органично переплетается с интеллектуальным отображением их правовых систем. Социологами институциональная комплементарность права и современных социумов не всегда осознается в полной мере. Так, Р. Коллинз, известный автор в области исторической макросоциологии, рассматривая динамику становления современных обществ, выделил четыре связанных между собой модернизационных процесса. К ним отнесены бюрократизация, секуляризация, индустриализация и демократизация [19, с. 264–293]. Нельзя не заметить, что в этом перечне социальных изменений, раскрывающих главные направления формирования эпохи современности, институтам права имплицитно/эксплицитно придается второстепенное значение.

Исходной основой социологического изучения права в социуме служит положение о том, что открытые общества являются абстрактными, как об этом пронизательно писал К. Поппер [20, с. 174–175]. Социальные науки (экономика и социология), как считал австрийско-британский ученый, должны изучать абстрактные отношения, потому что ими, а не личностными/персонифицированными взаимодействиями акторов создаются «действительные условия для общественной жизни» [20, с. 175]. Образцом социологического анализа, показывающего роль формально-правовых установлений в возникновении отношений модерна [21], можно признать веберовское описание становления западноевропейского города как исторического процесса «расхождения» социальности *Gemeinschaft* и социальности *Gesellschaft* [22, с. 360–386].

М. Вебер писал, что, если социоинституциональную основу античных городских поселений составляли религия, род, племя, родоплеменные связи, принадлежность к которым определяло участие горожан в общественной жизни и их социальные возможности занимать определенные должности [23, с. 334–342], то европейский город был сообществом бюргеров [23, с. 336] со статусом корпорации (*universitas*) [23, с. 336], обретаемым при его образовании. В соответствии с романистско-канонической теорией корпорация — совокупность людей, осуществляющих общие правовые функции и действующих как юридическое лицо [24, с. 368]. Город-корпорация — это административный округ с городским правом и судопроизводством, собственной организацией управления, соответствующей официальной статусно-должностной системой. Бюргеры в городе обладали статусом правомочных лиц [23, с. 342]. Таким образом, великий немецкий социолог показал, что западноевропейские города конституировались на формальной юридико-правовой институциональной основе. Суть социального переустройства, произошедшего в процессе образования городов в средневековой Западной Европе, сознавая противоречивость истории их возникновения и становления [25], заключается, согласно веберовскому утверждению в том, что «городской воздух приносит свободу» [23, с. 332]. Этот случай социоправовой динамики, рассмотренный немецким социологом, отражает общее социальное правило, которое гласит о том, что «с правом приходит свобода».

В современных обществах, имеющих сложную структуру, могут складываться социальные анклав, являющиеся «порядками без права» [26, с. 75–196, 222–466], например, «гаражная экономика» в России [27, с. 19–85]. В них роль институтов права в поддержании общественного порядка и регулировании социальных отношений незначительна. «Порядки без права» образуются в силу разных обстоятельств. Рассматривая их, социологи не могут ограничиваться утверждением, что они возникают в связи с чрезмерно высокими издержками, которые вынуждены нести социальные акторы, чтобы иметь возможность заниматься экономической деятельностью в легальном поле. Так, С. Кордонский отмечает, что «гаражная экономика» — это не бизнес в его общепринятом понимании, а промыслы [28]. Чтобы сделать следующий шаг в понимании «гаражной экономики» достаточно поставить вопрос: «Можно ли ее превратить в бизнес?». Разграничительная линия между бизнесом и промыслами отчетливо видна и прослеживается в том, что эти две области предприимчивости существуют в различных институциональных системах. Бизнес опирается на юридические правила, а промыслы — это «порядки без права». Простых решений в отношении того, как вывести промыслы в пространство права, не существует. Вклад социологии в преодоление проблемы «гаражной экономики» состоит в изучении спроса и предложения на право различными группами социальных акторов.

Завершая рассмотрение граней социологической парадигмы «право имеет значение», понимая, что не все из них выделены и раскрыты, нельзя не указать на еще один аспект социологического изучения права, опирающийся на возможности *Big Data* [29, с. 15–93, 227], т. е. метода, который осваивается отечественной правовой социологией. В настоящее время его применение в основном ограничивается изучением преступности и жертв преступлений [30]. Итак, парадигма «право имеет значение» обладает значительными научно-познавательным потенциалом для проведения социологических и междисциплинарных исследований права. Она позволяет, не упрощая толкование системы отношений «общество и право», направить внимание социологов на объяснение роли институтов права в обеспечении социального порядка и образовании обществ правовой свободы. Становление таких обществ — сложный и противоречивый исторический процесс. Поэтому право и борьба за него имеют значение.

Литература

1. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
2. Habermas J. Between Facts and Norms. Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, Massachusetts: Institute of Technology, 1996. 340 p.
3. A Sociological Theory of Law / by N. Luhmann. L.: Routledge, 2013. 472 p. DOI: 10.4324/9780203796764.
4. Timasheff N. S. An Introduction to the Sociology of Law. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1974. 418 p.
5. Weber M. On Law and Economy in Society. Cambridge, Massachusetts: Harvard U.P., 1966. 934 p.
6. Волков В. В. Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 34–42.
7. Schluchter W. The Sociology of Law as an Empirical Theory of Validity // European Sociological Review. 2003. № 5. P. 537–549.
8. Диманс С. Л., Левичева В. Ф. Люди и нормы: институты VS неформальные практики. М.: Ключ-С, 2018. 304 с.
9. Рубежи юридической социологии. М.: РУСАЙНС, 2018. 158 с.
10. Тимашев Н. С. Развитие социологии права и ее сфера // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961. С. 479–508.

11. Филиппов А. Ф. Элементарная социология: введение в историю дисциплины. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс», 2019. 463 с.
12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.
13. Нерсисянц В. С. Философия права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 256 с.
14. Доклад о верховенстве права [Электронный ресурс]: утв. Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) на 86-й пленарной сессии Страсбурга. 2011. 4 апр. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdf=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 15.08.2019).
15. Гилинский Я. Социальное насилие: монография. СПб.: Алетейя, 2017. 212 с.
16. Гоббс Т. Левиафан. М.: Рипол классик, 2016. 672 с.
17. Филиппов А. Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2015. 468 с.
18. Хайек Ф. А. фон Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2018. 528 с.
19. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / пер. с англ. и послесловие Н. С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
20. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 1. Чары Платона. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Киев: Ника-Центр, 2005. 800 с.
21. Стейнберг М. Д. О понятии модерности / пер. с англ. Т. Пируской [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12050/ (дата обращения: 22.08.2019).
22. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.
23. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
24. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: МГУ, ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 624 с.
25. Эрс Ж. Город в Западной Европе в средние века. Ландшафты, власть и конфликты. СПб.: Евразия, 2019. 496 с.
26. Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.
27. Павлов А. Б., Селеев С. С. Гаражники. М.: Страна Оз, 2016. 168 с.
28. Промыслы так и не стали бизнесом. Социолог Симон Кордонский — о феномене гаражной экономики [Электронный ресурс] // Огонек. 2016. 25 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2956207> (дата обращения: 19.08.2019).
29. Гельфанд М. Почему им можно, а нам нельзя? Откуда берутся социальные нормы. М.: Альпина Паблишер, 2019. 300 с.
30. Как изучать жертв преступлений? / А. М. Веркеев, В. В. Волков, А. В. Дмитриева, А. В. Кнорре, В. Е. Кудрявцев, Д. А. Кузнецова, Р. К. Кучаков, К. Д. Титаев, Е. А. Ходжаева // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 4–31. DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.01.